

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ: МНЕНИЯ НАШИХ ЗАРУБЕЖНЫХ КОЛЛЕГ

А.И. Ахрам*

КРИЗИС АВТОРИТАРИЗМА И ПЕРСПЕКТИВЫ КРАХА ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СТРАНАХ АРАБСКОГО ВОСТОКА**

Падение диктаторских режимов в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене обозначило первую за многие десятилетия трещину в здании арабского авторитаризма и стало результатом умелых действий оппозиционных сил, которые, применяя новые методы общественной мобилизации, смогли придать политическое измерение копившемуся долгие годы социальному и экономическому недовольству. Однако судьба процесса реальной демократизации во многих странах Ближнего Востока в значительной степени будет определяться жизнеспособностью и крепостью связей внутри государственного аппарата. Проведение павшими режимами на протяжении десятилетий «политики выживания», нацеленной на противодействие любой ценой возникновению прочного союза оппозиционных сил, привело к деградации таких важнейших государственных институтов, как армия, полиция, службы безопасности и чиновнический корпус. В этих условиях либерализация, вместо того чтобы стать первым шагом на пути к мирному переходу власти, может запустить механизм ожесточенного противостояния между различными силами, которое будет разрушать самые основы государственности.

Ключевые слова: «арабская весна», Египет, Ливия, Тунис, Йемен, Сирия, несостоятельность государства, протест, демократия, авторитаризм, вооруженные формирования.

Арабский мир сегодня переживает один из самых продолжительных периодов революционных изменений в своей новейшей истории. Масштабные вспышки общественного недовольства и жесткие ответные меры со стороны властей с применением наси-

* *Ахрам Ариэль Ира* — д.п.н., доцент кафедры политологии и координатор программы ближневосточных исследований Школы международных и региональных исследований Университета штата Оклахома, США (e-mail: arielahram@ou.edu).

** Перевод статьи А.И. Ахрама «The Crisis of Authoritarianism and the Prospects of State Breaking in the Arab World». Перевод и подготовка к печати — *Бартнев В.И.*, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Научное редактирование — *Кузнецов В.А.*, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник Института востоковедения РАН.

лия, имевшие место почти во всех странах региона, привели к падению правивших десятилетиями диктаторских режимов Зин аль-Абидина бен Али в Тунисе, Хосни Мубарака в Египте и Муаммара Каддафи в Ливии. Президент Йемена Али Абдалла Салех ушел в отставку, а режим Башара Асада в Сирии пока еще балансирует на грани коллапса.

Уникальность этим событиям придает тот факт, что Арабский Восток длительное время был наиболее крепким бастионом авторитаризма на планете. Вместе с тем нынешний кризис вызревал уже давно. Его зерна были посеяны в период краха отличавшей арабский мир модели политико-экономического общественного консенсуса, по условиям которого источниками легитимности авторитарных режимов были надежная система социальной защиты и гарантированные рабочие места в государственном секторе. Вялый рост частного сектора после перехода к экономической либерализации в 1980—1990-е годы, однако, оставил многих арабов, прежде всего представителей молодого поколения, без особых перспектив. Революционные движения «арабской весны» проявили удивительную способность канализировать гнев и отчаяние простых граждан в новые формы выражения протеста.

Как долго продлится «арабская весна» и какие плоды она принесет? Ее последствия в разных странах будут различаться в зависимости от возможностей, которые возникают под влиянием накладывающихся друг на друга демографического и экономического кризисов, и способности оппозиционных движений ими воспользоваться. При этом правящие режимы, как и оппозиция, которую они всеми способами хотят подавить, также предпринимают попытки адаптироваться к ситуации, произвести перегруппировку сил и подготовить почву для контрреволюции. Таким образом, демократия в странах региона может возникнуть как в результате проведения успешных постреволюционных выборов, так и вследствие постепенных уступок со стороны правящих элит, таких как расширение общественного участия в законодательном процессе и обеспечение более эффективного контроля над исполнительной властью.

Однако в то время как большая часть политиков ищет ответ на вопрос, будут ли революции способствовать возникновению либеральных демократий в странах Арабского Востока или обеспечат приход к власти репрессивных исламистских групп, четко обозначился третий сценарий развития событий: политический и социальный хаос и распад государства. Как справедливо заметил Сэмюэль Хантингтон, куда более важным, чем проблема выбора формы правления, является вопрос о том, в какой степени та или иная арабская страна окажется способной выполнять свои базовые

функции после того, как схлынет революционная волна [11, р. 1]. В политических кругах проблему «несостоятельности государства» в последние годы обсуждают очень широко, но в большей степени ее рассматривают в качестве характеристики беднейших и наиболее изолированных стран планеты, таких как Сомали, Чад, Зимбабве и Демократическая Республика Конго. Однако внезапная вспышка гражданского неповиновения в регионе пошатнула самые основы политического порядка. Те же политические и экономические стресс-факторы, которые стали причиной революционных выступлений, могут столкнуть государства в хаос гражданской войны [8]. И действительно, внутренние конфликты последнего времени в странах арабского мира, включая Ирак (2006—2008), Ливан (1975—2000), Алжир (1991—2001) и Палестину (гражданская война между ХАМАС и ФАТХ в 2006 г.), демонстрируют, как большая политическая открытость в условиях раздробленности может привести не к демократии, а, напротив, к эскалации насилия.

Крах «авторитарного консенсуса» в арабских странах

Вслед за волной военных переворотов, которые привели к свержению монархий в Египте, Ираке и Ливии в 1950—1960-е годы, как консервативные монархические, так и радикальные республиканские режимы начали использовать схожие социально-экономические методы укрепления своей власти. Результатом этого стало возникновение специфической авторитарной модели общественного договора: в обмен на политическую лояльность граждан правительства перераспределяли ресурсы, обеспечивая равный и всеобщий доступ к предметам первой необходимости — продуктам питания, жилью, образовательным и медицинским услугам. Государственные предприятия, защищаемые высокими пошлинами на импорт, интегрировали десятки тысяч рабочих в бюрократический корпус, принадлежность к которому гарантировала пожизненную занятость и достойную зарплату. Профсоюзы были также кооптированы в модель государственного корпоративизма. Поскольку членами профсоюзов становились только сотрудники государственных предприятий, трудовые организации стали фактически придатками правящих партий [36; 9].

Эти меры укрепили позиции авторитаризма, но вместе с тем породили в обществе надежды на то, что власти будут всегда ограничивать неравенство и способствовать росту благосостояния за счет масштабных социальных расходов. В период своего расцвета арабское «государство всеобщего благоденствия» действительно было крепким и устойчивым: подобное вмешательство в экономику обеспечило доступность продуктов питания, бензина, медицинских

услуг и жилья, а также заметный прогресс в человеческом и экономическом развитии (например, за два десятилетия детская смертность снизилась вдвое, а число учащихся средней школы вдвое выросло).

Однако уже к середине 1970-х годов стало ясно, что ни разросшийся чиновнический аппарат, ни неэффективные государственные предприятия не смогут инкорпорировать всех представителей нового поколения, выходящих на рынок труда. Под давлением США и международных кредитных организаций некоторые страны, в первую очередь Тунис и Египет, попытались сделать частный сектор мотором экономического роста.

Как и экономическая либерализация в Китае, реформа была задумана для укрепления позиций правящего режима. Ключевые государственные предприятия были проданы представителям властной элиты, которые сформировали новый класс зависимых от государства капиталистов. Субсидии на продукты питания и другие важнейшие элементы системы социальной помощи, равно как и прием на государственную службу, были сокращены под лозунгом экономии, однако надбавки и иные привилегии военных власти сохранили в полном объеме в целях обеспечения лояльности этой ключевой социальной группы. Так началась новая эпоха авторитарного капитализма¹.

Вместе с тем, осуществляя этот переход, правящие режимы в арабских странах не смогли предложить реальную альтернативу прежнему «авторитарному консенсусу». В отличие от Китая, где правительство преуспело в привлечении иностранных инвестиций благодаря обещанию предоставить доступ к гигантскому внутреннему рынку и превращению лидеров национальной экономики в компании, успешно конкурирующие на мировых рынках, в арабских странах частный сектор никогда не демонстрировал динамизма достаточно высокого для того, чтобы стать мотором экономического роста. В условиях, когда развитие государственного сектора было фактически заморожено, а частный бизнес составлял незначительную долю экономики, главными проигравшими при осуществлении перехода к рыночной системе стали десятки миллионов молодых людей, родившихся в период между концом 1960-х и 1980-ми годами, характеризовавшимися постоянным повышением уровня жизни. Действительно, как отмечают Рагуи Ассад и Фарзани Руди-Фахими, в последнее десятилетие в арабском мире произошел демографический переход, и число людей младше 30 лет достигло почти 50%. При определенных условиях подобное резкое

¹ Всесторонний анализ смены политэкономической модели в странах региона представлен в: [28; 18].

повышение рождаемости может стать подарком судьбы для страны — стимулом к успешному экономическому развитию (достаточно вспомнить последствия «baby boom» в США). Однако экономики арабских государств никак не могли инкорпорировать новое поколение. К середине 2000-х годов каждый четвертый молодой мужчина в арабском мире не имел работы, а в отдельных странах показатель безработицы среди молодежи был еще выше (в Иордании — 28%, Тунисе — 31%, Алжире — 43%) [2].

Миллионы молодых людей либо эмигрировали, либо трудились в теневом секторе экономики. Последствия этого можно наблюдать на улицах любого крупного арабского города, где на каждого официального таксиста приходится двое «частников», а подростки продают «пиратские» DVD и ворованную одежду. Даже выпускники университетов, которым прежде была обеспечена стабильная карьера на государственной службе, вынуждены были «уйти в тень». Такое недоиспользование рабочей силы и информализация трудовых отношений имели не только экономические, но и серьезные политические последствия. Вести деятельность «в тени» означало оказаться во власти коррумпированных чиновников и сотрудников правоохранительных органов, контролирующих переход из теневого в легальный сектор экономики с помощью процедуры лицензирования.

Ситуация особенно обострилась в последние пять лет в связи с усилением колебаний цен на продукты питания и нефть — два ключевых элемента, определяющих благосостояние государств региона. Глобальный продовольственный кризис конца 2000-х годов был особенно ощутим как раз в странах Ближнего Востока, многие из которых импортируют большую часть продуктов питания. В условиях сокращения государственных субсидий на продовольственные товары повышение цен на муку, рис, сахар и хлеб сильнее всего ударило по беднейшим домохозяйствам. Положение усугублялось резкими скачками цен на нефтяном рынке. Первая половина 2000-х годов действительно была периодом стремительного роста: цены на нефть достигли рекордных отметок, что способствовало развитию новых либерализованных фондовых рынков. Даже страны с незначительными или нулевыми запасами нефти и газа демонстрировали устойчивый экономический рост, обусловленный увеличением доходов от транзита энергоресурсов, объемов денежных переводов, бурным развитием туризма и притоком прямых иностранных инвестиций. В этих условиях вновь зазвучали требования вернуть или, по крайней мере, сохранить в неприкосновенности последние, еще не отмененные субсидии на товары широкого потребления. Однако продажа бензина по субсидированным ценам была сопряжена с гигантскими экономическими

потерями, особенно при рекордно высоких ценах на мировом рынке. Рядовые граждане в арабских странах понимали, что государственные доходы растут, но все дивиденды нивелировались потерями от сокращения субсидий.

Следуя рецептам неолиберальных реформ, ближневосточные режимы начали сокращать субсидии на бензин, что привело к резкому его удорожанию на внутреннем рынке. В 2004—2008 гг. розничная цена на топливо выросла в Иране почти на 500%, в Сирии — на 85, в Йемене — на 58, в Тунисе — на 41, в ОАЭ — на 32, в Марокко — на 17% [14]. Внезапное падение цен на нефть в 2008 г. застало врасплох даже самые богатые государства региона с наиболее диверсифицированной экономикой, такие как Объединенные Арабские Эмираты, и привело к возобновлению и обострению дискуссий относительно перестройки экономики. Объемы региональных фондовых рынков сократились вдвое. Глобальный экономический спад закрыл также возможность эмигрировать в Европу. Снижение цен на продовольствие не компенсировало потерь от уменьшения доходов. Необходимость увеличения социальных субсидий в действительности лишь обострилась в период рецессии. С середины 2000-х годов бунты, спровоцированные повышением цен на продукты питания и топливо, стали широко распространенным явлением на всем Ближнем Востоке. Они были спорадическими и не сопровождались выдвиганием четких политических требований, но наглядно показали, что прежнему «авторитарному консенсусу» так и не было предложено достойной альтернативы. Демографический взрыв, совпавший по времени с тяжелейшим экономическим кризисом, ярко высветил безразличие правящих режимов и их неспособность обеспечивать достойный уровень жизни для своих граждан.

Революционные выступления и реакция властей

Несмотря на постоянное снижение легитимности, правящие режимы в арабских странах до последнего времени демонстрировали удивительную устойчивость. Будучи политически закрытыми, они, однако, не могли в полной мере отслеживать и держать под контролем многочисленные формы общественного взаимодействия [23, р. 223]. Вместо того чтобы добиваться идеологической солидарности, эти режимы стремились ограничивать некоторые незаконные формы поведения, но при этом терпели многие казавшиеся им безобидными проявления социальной и гражданской активности. Должностные лица, контролировавшие информационные потоки, и сотрудничавшие с властями информаторы мониторили деятельность неправительственных организаций, оппозиционных

политических партий и иных общественных движений, но определенная степень свободы слова была разрешена в «безопасных» зонах — мечетях, сетевых чатах и в быту. Можно было даже жаловаться на коррумпированных министров или несправедливость тех или иных политических мер при условии, что критика не затрагивала напрямую главу государства. Предоставление ограниченной свободы, по мысли властей, позволяло «выпускать пар» и сдерживать возникновение более серьезных форм общественного недовольства [4; 19]. В революциях 2010—2011 гг., однако, оппозиции удалось использовать уникальные «точки уязвимости» подобных либерализованных авторитарных политических систем.

Некоторые тактические приемы, примененные в арабских странах, были идентичны тем, которые успешно «сработали» в свое время на Украине, в Грузии, Сербии, Иране, Ливане и Палестине. Благодаря быстрому распространению технологий сетевого общения и спутниковой связи в последнее десятилетие Ближний Восток стал регионом, в котором новые средства массовой коммуникации могли быть эффективнее всего использованы для организации больших групп единомышленников, обмена информацией и проведения кампаний гражданского сопротивления [9]. Социальные сети, такие как Facebook и Twitter, а также спутниковое телевидение сыграли ключевую роль в координации и направлении протестного движения.

В Тунисе и Египте оппозиционные группы сначала извлекли максимум из разрешенных форм гражданской активности и лишь после этого перешли к более конфронтационным методам изъяснения протеста, присвоив себе некоторые элементы дискурса правящих режимов. В Тунисе, где поднялась революционная волна, толчок к мобилизации оппозиционных сил дало одно непредвиденное событие. 17 декабря 2010 г. Мухаммед Буазизи, 26-летний уличный торговец из города Сиди Бу-Зид, совершил самоубийство перед зданием местной администрации. По данным расследования, проведенного журналистами канала «Аль-Джазира», молодой человек был оштрафован на 400 динаров (280 долларов США) — эквивалент его заработка за 2 месяца — за ведение несанкционированной торговли. Члены его семьи уверяли, что на самоубийство его толкнула не бедность как таковая, а чувство унижения от пощечины, которую ему прилюдно дала женщина-полицейский при конфискации его лотков. Безусловно, случаи подобного обращения госслужащих с рядовыми гражданами были далеко не редкими как в самом Тунисе, так и в остальном арабском мире. М. Буазизи не был ни первым человеком, совершившим самоубийство в знак протеста, ни первым, кто избрал для этого самоубийство. Уникальность данному эпизоду придал тот факт, что президент Бен Али посетил

М. Буазизи в больнице. Это был плохо продуманный PR-ход: вместо того чтобы продемонстрировать населению сочувствие президента, освещение визита на государственном телевидении лишь способствовало превращению М. Буазизи в национального героя. 4 января 2011 г. молодой человек скончался, после чего был причислен к мученикам. Самосожжение и смерть М. Буазизи стали тем ядром, вокруг которого неудовлетворенные режимом, но не склонные к риску граждане могли сплотиться, не боясь правительственных репрессий, поскольку у властей не было другого выбора, кроме как разрешить проведение похоронных и мемориальных шествий. Эти общественные акции вскоре вылились в антиправительственные демонстрации, которым армия в итоге не захотела положить конец [29]. Идентичные поступку М. Буазизи действия вскоре были совершены и в других странах, начиная с Мавритании и заканчивая Ираком. При этом новоявленные мученики, несмотря на запрет самоубийства религией, немедленно приобретали в глазах рядовых граждан ореол святости и становились символами общественного недовольства.

После свержения режима Бен Али готовность египетской оппозиции к конфронтации с властями возросла. Надежды на проведение политических реформ «сверху» рухнули, когда после относительно свободных и честных выборов 2005 г., по итогам которых 20% мест в парламенте досталось организации «Братья-мусульмане», началась делиберализация режима. Выборы 2010 г. обозначили возвращение к использованию массовых фальсификаций и запугиванию избирателей. В роли лидера на новом этапе увеличения протестной активности выступило движение «6 апреля», которое, хотя и было названо в честь дня проведения подавленных властями забастовок рабочих в городе Эль-Махала в 2008 г., не имело отношения к профсоюзам, а представляло собой достаточно децентрализованную группу образованных молодежных активистов и блогеров. Лидеры обучались методам организации мирных протестов у представителей сербского молодежного движения «Отпор» («Спротивление»), которое провело демонстрации, в итоге завершившиеся свержением Слободана Милошевича в 2000 г. Сотрудник Google Ваиль Гунайм в знак протеста против убийства молодого египтянина в полицейском участке в 2010 г. открыл в Facebook группу сочувствующих, в которую вступили около 400 000 человек. Движение «6 апреля» воспользовалось возможностью перевести протест из интернет-пространства на улицы с помощью официальной, разрешенной законом национальной церемонии — парада в честь празднования Дня полиции 25 января 2011 г. В тот день во всех крупных египетских городах на улицы вышли сотни тысяч людей, включая те десятки тысяч, которые собрались на площади Тахрир.

Службы безопасности Египта до этого отслеживали трафик в Интернете и даже арестовали некоторых членов группы «6 апреля», тем не менее первые крупные демонстрации, казалось, застали правящий режим врасплох. Власти решили воспрепятствовать проведению следующего раунда протестных акций, увеличив присутствие сил правопорядка и арестовав некоторых оппозиционных лидеров. Однако митинговавшие, снова воспользовавшись возможностью совершать разрешенные законом действия, организовали новые крупные уличные выступления в пятницу 28 января. Слово «пятница» в арабском языке (*йаум аль-джума'а*) означает «день собрания». Правительство Египта не могло воспрепятствовать сбору людей на пятничную молитву даже в условиях высокой вероятности проведения демонстрации. Протесты, последовавшие в тот день, были еще масштабнее тех, которые прошли 25 января. Это заставило Х. Мубарака заменить полицию армией, что стало ключевым решением, фактически предопределившим его судьбу, поскольку армия отказалась разгонять протестовавших, а ее руководство в итоге предпочло отстранить главу государства от власти.

Во всем арабском мире оппозиционные движения использовали стандартную национальную символику — флаги и гербы, что всегда было прерогативой правящих режимов. Митинговавшие не выдвигали конкретных программных или идеологических требований: акции протеста проходили под абстрактными, но привлекательными для всех лозунгами (суверенитет, национализм и демократия), т.е. в поддержку тех же ценностей, которые присутствовали в риторике властей. В монархических государствах участники первых демонстраций были склонны демонизировать правительство и отдельных министров, но при этом клясться в верности королю, не выходя, таким образом, за рамки разрешенных законом «безопасных зон» публичной речи. Эти «безопасные зоны» в итоге предоставили общую платформу для консолидации самого широкого спектра оппозиционных сил, обычно разделяемых идеологическими разногласиями, принадлежностью к различным социально-экономическим и возрастным группам. Согласно теории коллективных действий, даже если недовольство широко распространено, очень немногие граждане будут готовы поддержать протестные акции, если не уверены, что последние станут достаточно многочисленными хотя бы для того, чтобы обеспечить большинству их участников анонимность [20]. Формирование широкой платформы помогло решить эту проблему и подтолкнуло движение к кульминационному моменту.

Эта стратегия также повлияла на логику развития отношений между правящими режимами и оппозиционными группами. Как и в случае с Бен Али, власти во многих странах попытались заду-

шить протестное движение в зародыше, перехватив у него инициативу посредством присвоения себе требований реформ. Помимо стандартного набора «призраков» (Израиль, «Аль-Каида», наркоторговцы, США и т.д.), «козлами отпущения» стали отдельные министры. Так, уже на самой ранней стадии революционной волны король Иордании Абдалла II и глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас отправили в отставку свои правительства, пообещав наступление новой эры реформ и борьбы с коррупцией. Султан Омана Кабус бен Саид Альбусайд, президент Йемена Али Абдалла Салех, президент Сирии Башар Асад сделали то же самое. Муаммар Каддафи, по некоторым сведениям, объявил о том, что он присоединится к протестующим в «день гнева» — 14 февраля. Обещания провести политическую либерализацию и конституционные реформы были даны властями и в других странах региона.

Подобные проявления солидарности с требованиями модернизации политической и гражданской жизни дали также оппортунистически настроенным представителям правящих элит «прикрытие» для разрыва с лидерами. Это было сопряжено с особенно большими рисками в странах с республиканской формой правления, где руководившие государствами кланы постепенно присваивали себе властные функции. По мере того как президенты Х. Мубарак, А. Салех и Бен Али, а также другие лидеры все откровеннее проявляли стремление передать власть своим сыновьям или другим членам семьи (следуя примеру Хафеза Асада в Сирии) и старались отстранить других представителей элиты, измена становилась все более привлекательной альтернативой. Министры и дипломаты по всему региону в массовом порядке начали уходить в отставку и выражать несогласие с политикой режимов, которым они долгое время служили верой и правдой. В некоторых случаях представители различных властных и силовых структур заходили настолько далеко, что смещали правителя и присваивали власть, позиционируя себя как национальных героев. В Тунисе, например, Бен Али свергли Конституционный совет и высшее чиновничество. В Египте, в свою очередь, военные отстранили от власти Х. Мубарака, приостановили действие Конституции, распустили парламент и провозгласили себя переходным правительством. Все это было сделано «во имя демократии».

В более широком смысле реакция властей на революционные выступления объяснялась тем, что Джоэл Мигдал называет «политикой выживания» — стремлением режима удержать власть даже ценой сохранения угрозы для государственной целостности [24, р. 214—222]. Помимо кадровых перестановок в высших эшелонах бюрократии авторитарные лидеры применяли принцип «разделяй

и властью» в отношении оппозиции. Почти все правящие режимы немедленно повысили зарплаты госслужащим и государственные субсидии, стремясь умиротворить большинство протестовавших, основные требования которых, как они считали, носили экономический характер. Меры силового принуждения оставались наготове на случай, если стратегия кооптации не сработает. Их планировали применять с целью уничтожить оппозицию и не идти на какие-либо серьезные уступки. Тот факт, что в некоторых странах столкновения так и не привели к насильственным подавлениям, может быть, по крайней мере отчасти, объяснен использованием властями тактики устрашения и демонстрации силы службами безопасности.

Авторитарные правители зачастую пытаются представить протесты так, будто оппозиция действует в узко конфессиональных целях или в интересах внешних держав. Например, правящий в Бахрейне суннитский клан потомков аравийских племен Аль Халифа на протяжении длительного времени воспринимал шиитов, составляющих около 75% населения острова, как потенциальную «пятую колонну» Ирана. На ключевые государственные и дипломатические посты назначали суннитов, укрепляли связи с суннитскими исламистскими политическими партиями. В службах безопасности Бахрейна традиционно было много иорданских и пакистанских офицеров, которые получали гражданство в обмен на лояльность короне и потому относились к требованиям шиитов прекратить их маргинализацию безразлично [21; 27]. По мере эскалации конфликта между режимом и оппозицией конфессиональные противоречия еще более обострились. Первые акции протеста 14 февраля были организованы малочисленной партией арабских националистов, которые пользовались крайне незначительной поддержкой со стороны представителей среднего класса и интеллигенции — как суннитов, так и шиитов. В полном соответствии с логикой развития событий в других странах их требования были относительно скромными и содержали призывы к расследованию коррупционных дел и политической либерализации, однако акции протеста были жестоко подавлены. Члены Исламского объединения национального согласия, наиболее влиятельной легальной шиитской политической организации и крупнейшей фракции в Законодательном собрании Бахрейна, объявили бойкот парламенту и призвали к проведению всеобщей забастовки. По мере того как протестная волна нарастала, усиливалось и стремление режима описывать ситуацию в категориях обострения конфессиональных противоречий. Осуществив жестокое подавление оппозиции, кульминацией которого стали штурм и разрушение лагеря демонстрантов на Жемчужной площади в Манаме, режим все более начал полагаться на суннитов. Две крупнейшие суннитские исламистские партии,

которые ранее выражали определенную поддержку требованиям проведения реформ, сделали совместное заявление, подтверждавшее их верность короне и обличавшее «безответственные попытки подорвать единство страны» [13]. Шейх Юсуф аль-Кардави, самый известный представитель суннитского духовенства в мире, добавил морального веса дискурсу об обеспечении защиты суннитов, назвав события в Бахрейне не «народной революцией» (*саура ша'бийя — thawra sha'abiyya*), как в Египте, Ливии и Тунисе, а «раскольнической революцией» (*саура та'ифийя — thawra ta'iffiyya*), поддерживаемой внешними силами (читай — Ираном) [30].

Если лидер проявляет нерешительность, а его подданные больше не верят в его способность обеспечивать покровительство и не боятся его гнева, вся структура политического порядка может разрушиться. Измены военнослужащих и сотрудников служб безопасности Ливии обозначили обострение противоречий между племенами, которые ранее отошли на второй план при М. Каддафи [12; 7]. В Йемене сеть племенных союзов, созданная А. Салехом, распалась перед лицом угрозы со стороны повстанческих движений на севере и юге страны и более масштабных протестов в столице. Генерал Али Мохсин аль-Ахмар, представитель высшего генералитета, участвовавший в подавлении восстания на севере, и верховный вождь влиятельного объединения племен хашед шейх Садык аль-Ахмар в итоге выступили на стороне оппозиции [16; 17; 22]. Даже в Египте, где армия имеет за плечами долгую историю поддержания корпоративного единства, последняя попытка Х. Мубарака мобилизовать вооруженных негосударственных акторов подорвала монополию государства на применение легитимного насилия. В итоге Каир накрыла беспрецедентная по своим масштабам волна уличной преступности, столица стала ареной вооруженных стычек между мусульманами и коптами-христианами; начались продолжительные перебои с поставками муки и газа пропана. В отсутствие эффективных действий со стороны сил правопорядка граждане вынуждены были взять на себя ответственность за обеспечение безопасности с помощью организации вооруженных уличных патрулей [34; 25]. Как только подобные структуры самообороны возникают, любому режиму становится крайне сложно восстановить утраченную монополию на применение силы.

Единственным позитивным последствием для столкнувшихся с проблемами авторитарных правителей было возникновение региональной коалиции во главе с Саудовской Аравией, нацеленной на сохранение существующего положения дел [15]. Ссылаясь на пункт Договора об учреждении Совета сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) о коллективной обороне перед лицом иностранной угрозы, вооруженные силы Саудовской Аравии, Ка-

тара и ОАЭ оказали поддержку правительству Бахрейна в подавлении народных протестов. ССАГЗ также перешел в наступление в Йемене, правда, действуя уже более мягко, помогая усилить раскол в рядах оппозиции. Опубликованные Советом в апреле 2011 г. «планы переходного периода» предоставляли А. Салеху свободу в выборе момента складывания полномочий и гарантировали личную неприкосновенность. Их предложения были приняты сторонниками режима, такими как генерал аль-Ахмар, считавшими, что они прокладывают дорогу к быстрому захвату власти по примеру Высшего военного совета Египта, но отвергнуты революционно настроенной молодежью, представители которой настаивали на немедленной и полной смене руководства страны [26; 35].

Единственным государством, где внешние акторы выступили решительно и однозначно на стороне революционных сил, стала Ливия. Освещение в прессе жестоких актов насилия, осуществляемых властями страны, и в первую очередь атак на мирных граждан в Бенгази подтолкнуло западные державы к установлению бесполетной зоны. Впрочем, М. Каддафи, длительное время ассоциировавшийся с поддержкой международного терроризма и агрессивным поведением (несмотря на его реабилитацию в международном сообществе при администрации Дж. Буша-мл.), идеально подходил на роль объекта для всеобщего порицания. Лига арабских государств отплатила М. Каддафи за десятилетия открытого презрения к ней, дав разрешение на проведение вооруженной интервенции.

Как единственная глобальная «сверхдержава» Соединенные Штаты Америки сыграли огромную, но вместе с тем противоречивую роль в революционных событиях в арабском мире. За исключением нанесения авиаударов по территории Ливии, Вашингтон ограничился использованием более мягких форм воздействия. С одной стороны, в Египте, например, угрозы прекратить поставки военной помощи (1,3 млрд долл. в год) имели большое значение в убеждении армейской элиты не участвовать в силовом подавлении гражданских протестов. Уход Х. Мубарака, однако, лишь способствовал учреждению военного правительства, которое по-прежнему подходило для реализации стратегических планов Вашингтона [33; 5]. США были также настроены откровенно враждебно по отношению к режиму Б. Асада в Сирии, который они длительное время причисляли к «недружественным», но не озвучивали варианта силового вмешательства. С другой стороны, в Бахрейне ответ Белого дома был принципиально иным. Эта страна, где размещена крупнейшая база ВМС США в Персидском заливе и сосредоточены значительные запасы нефти и газа, на протяжении длительного времени стремилась поддерживать близкие связи с Вашингтоном и представляла оппозицию в виде «пятой колонны» Ирана. На-

сколько большую роль Соединенные Штаты сыграли в отстранении от власти Х. Мубарака, настолько же активно они содействовали подавлению революции в Бахрейне. Администрация Б. Обамы не только позволила правительству страны и его союзникам по ССАГЗ применить американское оружие и обученные в США воинские формирования против мирных граждан, но и согласилась увеличить масштабы поставок вооружения в Саудовскую Аравию².

Соединенные Штаты в некотором смысле подготовили почву для арабских революций — сначала непреднамеренно, посредством продвижения неолиберальных экономических реформ, которые привели к эрозии прежнего «автоританого консенсуса», а затем и целенаправленно — требуя политической модернизации, еще более подорвавшей легитимность правящих режимов в арабских государствах. Вместе с тем США воздержались от оказания прямой поддержки революционным выступлениям конца 2010 — начала 2011 г. «Сверхдержавам» свойственно сохранять status quo и стремиться уйти от риска. На протяжении десятилетий Вашингтон сотрудничал со многими диктаторскими режимами, используя их в качестве союзников в борьбе с исламским терроризмом, обеспечении стабильности поставок нефти и сдерживании воинственного отношения арабской улицы к Израилю. Иранская революция 1979 г. продемонстрировала, что народные выступления могут проложить дорогу для захвата власти радикальными антиамериканскими исламистскими силами. В то же время иракская катастрофа похоронила любые надежды на то, что США могут установить порядок в регионе посредством смещения диктаторов и построения умеренных прозападных демократий.

В Белом доме прекрасно осознавали степень коррумпированности своих союзников, остроты разногласий внутри политической элиты и снижения уровня жизни простых граждан, как можно судить по опубликованным Wikileaks дипломатическим телеграммам. Так, в депеше, отправленной в Вашингтон из посольства в Тунисе в 2009 г., было отмечено, что Бен Али и его режим «потеряли контакт с народом. Они не слушают советов и не терпят критики, ни изнутри, ни извне. Они все более полагаются на полицию для обеспечения контроля и удержания власти. Кроме того, коррупция в ближайшем окружении президента растет. Даже рядовые тунисцы прекрасно это осознают, и хор недовольных постоянно ширится» [32]. В том же году сотрудники посольства США в Сане (Йемен) отмечали, что «получившие огласку предательства быв-

² Король Бахрейна Хамад бин Иса бин Салман аль Халифа даже проговорился однажды о том, что он обучался в Армейском колледже США в Форт-Ливенворте [31].

ших друзей и союзников вкупе с неспособностью Салеха урегулировать конфликт в Саде, нанести поражение “Аль-Каиде Аравийского полуострова” и вывести экономику страны из кризиса, вероятнее всего, запустят цепную реакцию, которая приведет к возникновению новых вызовов его правлению» [1]. Американские дипломаты также порой выражали скептицизм в отношении использования «призрака исламизма», как следует из докладной записки, отправленной из Каира председателю Комитета начальника штабов Майку Маллену в 2005 г. [3]. Однако политики в Вашингтоне не видели никаких реальных альтернатив сотрудничеству с диктаторами и поэтому продолжали их поддерживать, увеличивая объемы военной и экономической помощи каждый раз, когда возникала угроза их власти. В этом смысле неудивительно, что США были застигнуты врасплох, услышав голос арабской улицы, требовавший изменений.

Странные плоды «арабской весны»

Спустя год после революционных событий переход к другим формам правления мирными средствами в странах Ближнего Востока кажется маловероятным. На протяжении полувека арабский мир был самым крепким бастионом авторитаризма на планете, и хотя прежний консенсус между властью и обществом подвергся явной эрозии, авторитарные режимы в арабских странах, казалось, вполне комфортно чувствовали себя, осуществляя управление с использованием импровизированной комбинации мер принуждения и экономических стимулов для узких сегментов элиты. Парадоксальным образом неизменное присутствие политического насилия в форме терроризма и повстанческой активности служило дополнительным аргументом в пользу сохранения диктатур. Возникновение протестных движений зимой 2010—2011 гг. внезапно обозначило возможность мирного перехода власти и продолжения волны «цветных» революций. Крупнейший специалист по данной проблематике Джек Голдстоун отмечает, что «цветные революции», в отличие от Великой французской революции 1789 г. и Октябрьской революции 1917 г. в России, произошли без кровопролития и гражданской войны, потому что участники революционных коалиций избегали выдвигать полярные требования. Однако их политическое наследие оказалось недолговечным. Например, в Ливане и на Украине сочетание внутренних распрей, усталости народа от нестабильности и маневров представителей старой элиты способствовали отказу от многих демократических завоеваний «кедровой» и «оранжевой» революций.

Арабские восстания принесли настолько же странные и неоднозначные плоды. Так, в Тунисе и Египте выборы завершились победой исламистских партий. Это объясняется как высокой степенью их легитимности, имеющей глубокие корни, и масштабами поддержки в обществе, так и дезорганизованностью и фрагментацией светских сил. Однако различия в страновых контекстах указывают на то, что этим двум государствам уготовано разное будущее. Из всех арабских стран шансы Туниса на осуществление мирного перехода к демократии выглядят наиболее серьезными в силу относительной однородности общества, высокого уровня развития и сплоченности государства. Тунисские вооруженные силы остались в стороне от политического процесса демократизации в переходный период, защищая целостность страны. Исламистская партия «ан-Нахда» сделала несколько примирительных жестов в отношении светских политических движений [6] и, несомненно, будет прибегать к их поддержке при создании правящей коалиции в парламенте.

Высший военный совет Египта, который в настоящий момент осуществляет управление государством, напротив, пока еще не выполнил своего обещания обеспечить передачу власти. Аресты и запугивания ориентированных на установление светского правления молодежных движений и профсоюзов, включая организацию судебных процессов над гражданскими лицами в военных судах, продолжаются. В то же время опросы общественного мнения, проведенные «Pew Foundation», демонстрируют, что рейтинг популярности военного руководства значительно выше рейтинга гражданских политиков. Армия позиционирует себя как спасителя нации в условиях ухудшения экономической конъюнктуры, вооруженных столкновений между мусульманами и христианами и разгула уличной преступности. Египетские «Братья-мусульмане», в свою очередь, по крайней мере на начальном этапе, поддержали осуществление властных функций военными, а также озвученные ими планы подготовки новой Конституции и проведения досрочных выборов, к неудовольствию менее крупных светских и ориентированных на молодежь партий. Вместе с тем «Братья-мусульмане», хотя и пообещали не выдвигать кандидата в президенты и не претендовать на абсолютное большинство в парламенте, своим отказом подписаться под национальным биллем о правах, который содержал положения о защите этнических меньшинств и женщин, понизили свой кредит доверия. Существует реальная возможность того, что армия уступит политическое поле в парламенте исламистам, но при этом продолжит укреплять свои позиции на командных высотах в целях получения решающего голоса в закулисной игре.

Перед Тунисом и Египтом стоит задача отказаться от «политики выживания» и переключить внимание на удовлетворение базовых социально-экономических требований, с которыми люди вышли на улицы. Новые режимы в этих странах пришли к власти на волне народного недовольства и стремления установить более справедливый и инклюзивный общественный договор. Однако сотни революционных стачек, демонстраций и забастовок, многие из которых не были освещены в СМИ, нанесли огромный удар по экономике, в первую очередь по индустрии туризма. Показатели экономического роста в Египте и Тунисе по итогам 2011 г. оказались близки к нулю. Выполнение народных требований посредством расширения доступа к государственной службе, повышения минимальной заработной платы и восстановления субсидий является лишь краткосрочным и недалековидным шагом. В то же время принятие неизменно непопулярных мер экономии сопряжено с огромными рисками. Придя к власти в период крупнейшего экономического кризиса со времен Великой депрессии, новые режимы имеют в своем распоряжении меньше экономических ресурсов, нежели их предшественники. Их стабильность в конечном счете зависит от способности провести реформы, которые, какими бы болезненными они ни были, по крайней мере должны стать плодом открытых дискуссий. Без усилий подобного рода сохранится вероятность установления контроля над страной людьми, далекими от идеалов светского, гражданского и демократического правления, которые будут провозглашать себя спасителями республики от экономической неопределенности и социального хаоса.

В странах с более ярко выраженным расслоением в обществе и хрупкими властными институтами революционные события могут с гораздо большей долей вероятности привести к распаду государства по той же модели, что в Югославии в 1991 г. М. Каддафи, А. Салех и клан Асадов десятилетиями правили, руководствуясь циничной логикой выживания режима. Они сочетали жесткие меры принуждения, используемые секретной полицией, армией и спецслужбами, с механизмами кооптации, реализуемыми через системы патримониального распределения ресурсов между теми, кто демонстрировал лояльность властям. Использование М. Каддафи самолетов и артиллерии против мирных граждан нанесло огромный моральный ущерб его режиму, однако повстанцы также оказались причастны к репрессиям и насилию. Нельзя не обратить внимания на то, что лидер ливийских революционеров был убит своими же соратниками еще до поимки и казни М. Каддафи. Борьба между соперничающими повстанческими формированиями и между силами повстанцев и ливийской армией интенсифицировалась с момента захвата Мисраты и инаугурации Переходного национального совета.

В Йемене затянувшаяся отставка А. Салеха, поведение которого навевало ассоциации с шекспировским Гамлетом, еще больше ослабила нити, связывавшие племенные союзы друг с другом, и хотя повстанческие движения на севере и на юге страны действуют уже давно, кульминация политического кризиса наступила именно благодаря публичному предательству многих видных деятелей режима. В этой связи вряд ли может показаться удивительным, что новым президентом, которому предстоит вести страну через все сложности «переходного периода», стал верный соратник А. Салеха — вице-президент и в прошлом министр обороны Абдураббо Мансур аль-Хади. Сторонники клана экс-главы государства, тесно связанные с армией и правящей партией, готовы продолжать борьбу за удержание контроля над рычагами управления страной.

Развитие событий в Сирии зловещим образом напоминает «ливийский сценарий», но пока без сил НАТО в роли Фортинбраса, появляющихся в развязке драмы, чтобы положить конец насилию. Как и в Ливии, сирийский правящий режим без тени сомнения стал применять силу в отношении мирных граждан. Как и в Ливии, в сирийской армии произошел раскол, в данном случае — по этноконфессиональным «линиям разлома». Однако склонность к сотрудничеству и координации действий в рядах сирийской оппозиции оказалась ничуть не больше, чем у ливийских повстанцев. Подобное отсутствие единства, с одной стороны, многократно повышает эффективность контрмер, принимаемых режимом Б. Асада, а с другой — увеличивает вероятность начала гражданской войны в случае его падения.

Формирование новых правящих коалиций или контрэлит перед лицом настолько сильных центробежных тенденций оказалось делом крайне сложным. В большинстве арабских стран нет единой оппозиции и тем более — какой-либо одной политической организации, способной объединить вокруг себя все силы и сдержать борьбу между различными группировками. Тот факт, что Ливия балансирует сегодня на грани гражданской войны, следует рассматривать не как некий экстраординарный случай, обусловленный уникальным и достаточно странным стилем лидерства М. Каддафи, а как намек на возможность повторения такого сценария в странах, где авторитарные правители эксплуатируют в своих целях племенные и этноконфессиональные разногласия. В этих государствах простое свержение диктатора является лишь первой фазой противоборства. По мере того как ось конфликта смещается от противостояния между режимом и оппозицией к борьбе за власть и контроль между «победителями», масштабы хаоса и кровопролития могут быть значительно больше.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Another ROYG [Republic of Yemen Government] Insider Speaks Out: 'He Won't Listen to Anyone // U.S. Embassy, Sana'a, October 30, 2009 [Electronic resource] // The Washington Post Online. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-srv/special/world/wikileaks-yemen/cable4.html> (accessed: 12.03.2011).
2. *Assad R., Roudi-Fahimi F.* Youth in the Middle East and North Africa: Demographic Opportunity or Challenge? [Electronic resource] // Population Reference Bureau [Web portal]. URL: <https://prb.org/pdf07/YouthinMENA.pdf> (accessed: 12.03.2011).
3. Briefing for Admiral Mullen // U.S. Embassy, Cairo, November 29, 2005.
4. *Brumberg D.* The Trap of Liberalized Autocracy // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 4. P. 56—68.
5. *Bumiller E.* Pentagon Places Its Bent on a General in Egypt // The New York Times, March 10, 2011 [Electronic resource] // The New York Times Online. URL: http://www.nytimes.com/2011/03/11/world/middleeast/11enan.html?_r=1 (accessed: 15.03.2011).
6. *El-Amrani I., Lindsey U.* Tunisia Moves to the Next Stage [Electronic resource] // MERIP Online [Web portal]. November 8, 2011. URL: <http://www.merip.org/mero/mero110811> (accessed: 12.12.2011).
7. Expert: Elite Forces Key to Kaddafi's Conflict in Libya [Electronic resource] // Asharq Alawsat Online [Web portal]. March 15, 2011. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=612587&issueno=11795> (accessed: 15.03.2011).
8. *Goldstone J.A., Bates R.H., Epstein D.L.* et al. A Global Model for Forecasting Political Instability // American Journal of Political Science. 2010. Vol. 54. № 1. P. 190—208.
9. *Heydemann S.* Social Pacts and the Persistence of Authoritarianism in the Middle East // Debating Authoritarianism: Dynamics and Durability in Non-Democratic Regimes / Ed. by O. Schlumberger. Stanford: Stanford University Press, 2007. P. 21—38.
10. *Howard Ph.N.* The Digital Origins of Dictatorship and Democracy: Information Technology and Political Islam. N.Y.: Oxford University Press, 2011.
11. *Huntington S.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 2006.
12. *Hussein M.* Libya Crisis: What Role Do Tribal Loyalties Play [Electronic resource] // BBC News [Official website]. February 21, 2011. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-12528996> (accessed: 15.03.2011).
13. International Crisis Group. Popular Protests in North Africa and the Middle East (III): The Bahrain Revolt. MENA Report № 105. April 6, 2011 [Electronic resource] // International Crisis Group [Official website]. URL: <http://www.crisisgroup.org/en/regions/middle-east-north-africa/iraq-iran-gulf/bahrain/105-popular-protests-in-north-africa-and-the-middle-east-iii-the-bahrain-revolt.aspx> (accessed: 18.05.2011).
14. International Fuel Prices [Electronic resource] // GTZ (Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit) [Web portal]. URL: <http://www.gtz.de/en/themen/29957.htm> (accessed: 14.03.2011).

15. *Jones T.C.* Counterrevolution in the Gulf // U.S. Institute of Peace Brief No. 89, April 15, 2011 [Electronic resource] // United States Institute of Peace [Official website]. URL: <http://www.usip.org/files/resources/PB%2089%20Counterrevolution%20in%20the%20Gulf.pdf>. (accessed: 24.04.2011).
16. *Kasinof L., MacFarquhar N.* Key Tribal Chief Wants Yemen Leader to Quit // The New York Times. February 26, 2011 [Electronic resource] // The New York Times Online. URL: <http://www.nytimes.com/2011/02/27/world/middleeast/27yemen.html?pagewanted=all> (accessed: 15.03.2011).
17. Key Supporters Are Forsaking Yemen Leader // The New York Times. March 21, 2011 [Electronic resource] // The New York Times Online. URL: <http://www.nytimes.com/2011/03/22/world/middleeast/22yemen.html?pagewanted=all> (accessed: 25.03.2011).
18. *King S.* The New Authoritarianism in the Middle East and North Africa. Bloomington: Indiana University Press, 2009.
19. *Levitsky S., Way L.* Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. N.Y.: Cambridge University Press, 2010.
20. *Lichbach M.* The Rebel's Dilemma. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
21. *Louër L.* Transnational Shia Politics: Religious and Political Networks in the Gulf. N.Y.: Columbia University Press, 2008.
22. Major Tribes of Yemen Joining the Protest [Electronic resource] // Asharq Alawsat Online [Web portal]. March 15, 2011. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issue=11795&article=612639&feature=> (accessed: 16.03.2011).
23. *McAdam D., Tarrow S., Tilly Ch.* Dynamics of Contention. N.Y.: Cambridge University Press, 2001.
24. *Migdal J.* Strong Societies and Weak States: State-Society Relations and State Capabilities in the Third World. Princeton: Princeton University Press, 1988.
25. *Mohsen A.A.* Law-Abiding Citizens: Egypt Struggles to Cope with Police Absence [Electronic resource] // Al-Masry Al-Youm Online [Web portal]. March 8, 2011. URL: <http://www.almasryalyoum.com/en/node/344501> (accessed: 15.03.2011).
26. *Mudabash A.* Yemen: Uncertainty About the Fate of the Gulf Initiative [Electronic resource] // Asharq Alawsat Online [Web portal]. April 13, 2011. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=4&article=617001&issue=11824> (accessed: 13.04.2011).
27. *Nakash Y.* Reaching for Power: The Shi'a in the Modern Arab World. Princeton: Princeton University Press, 2006.
28. *Richards A., Waterbury J.* A Political Economy of the Middle East / 3rd ed. Boulder, CO: Westview, 2007.
29. *Ryan Y.* The Tragic Life of a Street Vendor [Electronic resource] // Al-Jazeera English [Official website]. January 20, 2011. URL: <http://english.aljazeera.net/indepth/features/2011/01/201111684242518839.html#> (accessed: 14.03.2011).
30. *Saud F.* Qaradawi: What Happened in Bahrain was a Sectarian, Not a Popular, Uprising [Electronic resource] // Al-Arabiyya Online [Web portal]. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2011/03/18/142113.html> (accessed: 31.03.2011).

31. Stability is a Prerequisite for Progress // The Washington Times. April 19, 2011 [Electronic resource] // The Washington Times Online. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2011/apr/19/stability-is-prerequisite-for-progress/> (accessed: 27.04.2011).

32. Troubled Tunisia? What Should We Do? // U.S. Embassy, Tunis, July 17, 2009 [Electronic resource] // The Guardian Online. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/us-embassy-cables-documents/217138> (accessed: 27.04.2011).

33. Unrest Tests Egyptian Military and Its Crucial Relationship with U.S. // The Washington Post. January 20, 2011 [Electronic resource] // The Washington Post Online. URL: http://www.washingtonpost.com/world/unrest-tests-egyptian-military-and-its-crucial-relationship-with-us/2011/01/29/ABCxu5Q_story.html (accessed: 15.03.2011).

34. *Wassmann I.* Firearms, Another Friday Night in Cairo [Electronic resource] // Kippreport [Web portal]. February 19, 2011. URL: <http://www.kippreport.com/2010/02/firearms-and-another-friday-night-in-cairo/> (accessed: 15.03.2011).

35. Yemen Opposition Parties to Sign Gulf Mediation Deal to Resolve Crisis Within '24 Hours // The Washington Post. April 25, 2011 [Electronic resource] // The Washington Post Online. URL: <http://feeds.washingtonpost.com/click.phpdo?i=ed48cb190024fc79eb0eaea4e26589c7> (accessed: 15.05.2011).

36. *Yousef T.M.* Development, Growth, and Policy Reform in the Middle East and North Africa since 1950 // Journal of Economic Perspectives. 2004. Vol. 18. № 3. P. 91—115.